

Таис

Новеллы

Анатолий Франс

ТАИС НОВЕЛЛЫ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Ф83

*Перевод с французского Евгения Гунста, Эльзы Линецкой
и Деборы Лившиц*

Франс, А.

Ф83 Таис. Новеллы / А. Франс; [пер. с фр. Е. Гунст, Э. Линецкая, Д. Лившиц]. — М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. — 278 с.

ISBN 978-5-521-74824-2

Первой публикацией А. Франса стала «Легенда о Таис, комедиантке» — стихотворный набросок, в котором автор следовал традиционному сюжету церковного предания об обращении в христианство александрийской куртизанки Таис, впоследствии известной под именем св. Таисии, но ни словом не упоминал об искушении и падении монаха Пафнутия. Успех «Таис» превзошел все ожидания, в Петербурге появился первый русский перевод под названием «Александрийская куртизанка», а французский писатель Луи Галле опубликовал трёхактную лирическую комедию «Таис» по роману Франса, которая послужила либретто к одноимённой опере Массне.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Е. Гунст, наследники, 2019
© Перевод. Э. Линецкая, наследники, 2019
© Перевод. Д. Лившиц, наследники, 2019

ISBN 978-5-521-74824-2

ГЛАВА I

ЛОТОС

В те времена в пустыне жило много отшельников. По обоим берегам Нила раскинулись бесчисленные хижины, сооруженные из ветвей и глины руками самих затворников; хижины отстояли друг от друга на некотором расстоянии, так что их обитатели могли жить уединенно и вместе с тем в случае надобности оказывать друг другу помощь. Кое-где над хижинами возвышались храмы, осененные крестом, и монахи сходились туда по праздникам, чтобы присутствовать при богослужении и приобщиться таинствам. На самом берегу реки встречались обитатели, где жило по несколько монахов; они ютились в отдельных тесных келейках и селились вместе лишь для того, чтобы полнее чувствовать одиночество.

И отшельники, и монахи жили в воздержании, вкушали пищу лишь после захода солнца, и единственным яством служил им хлеб со щепоткой соли да иссопа¹. Некоторые из них уходили в глубь пу-

¹ Пряное лекарственное растение, неоднократно упоминается в Библии.

стыни, превращая в келью какую-нибудь пещеру или могилу, и вели еще более диковинный образ жизни.

Все они соблюдали целомудрие, носили власяницу и куколь, после долгих бдений спали на голой земле, молились, пели псалмы — словом, каждодневно подвизались в покаянии. Памятуя о перво-родном грехе, они отказывали плоти не только в удовольствиях и утехах, но и в самом необходимом, по тогдашним понятиям, уходе. Они считали, что телесные немощи целительны для души и что нет для тела лучших украшений, чем язвы и раны. Так сбывалось слово пророков: «Пустыня оденется цветами».

Одни из обитателей святой Фиваиды проводили дни в умерщвлении плоти и созерцании, другие зарабатывали себе на хлеб насущный тем, что плели веревки из пальмового волокна или нанимались к соседним землевладельцам на время жатвы. Язычники несправедливо подозревали некоторых из них в том, что они живут разбоем и действуют заодно с кочевниками-арабами, которые грабят караваны. На самом же деле монахи презирали богатство, и благоухание их добродетели возносилось до самых небес.

Ангелы, похожие на юношей, навещали их под видом странников с посохом в руке, а демоны, приняв облик эфиопов или зверей, рыскали вокруг затворников, стараясь ввести их в соблазн. По утрам, когда монахи шли к колодцам за водой, они замеча-

ли на песке следы копыт сатиров и кентавров. С точки зрения духовной, истинной, Фиваида являла собою поле битвы, где ежечасно, в особенности по ночам, шли таинственные сражения между небом и царством тьмы.

Подвергаясь яростным нападениям легионов нечистой силы, аскеты с помощью бога и ангелов защищались постом, покаянием и умерщвлением плоти. Иной раз жало плотских желаний язвило их так жестоко, что они выли от боли, и их стенания вторили мяуканью голодных гиен, которым оглашалась пустыня в звездные ночи. Тут-то бесы и являлись отшельникам под пленительными личинами. Ведь демоны, хоть они на самом деле и безобразны, иной раз облачаются призрачной красотой, и это мешает разглядеть их подлинную сущность. Фиваидские отшельники с ужасом видели в своих кельях картины таких наслаждений, каких не ведали даже тогдашние сладострастники. Но, охраняемые силой крестного знамения, они не поддавались искушению, и мерзкие духи, приняв свои истинные обличья, исчезали с зарею, посрамленные и яростные. На рассвете не раз случалось людям встречать убегающего беса, который на расспросы отвечал, заливаясь слезами: «Я плачу и стенаю оттого, что один из здешних христиан высек меня розгами и изгнал с позором».

Власть старцев-пустынножителей распространялась даже на грешников и неверующих. Их доброта порою обращалась в грозную силу. Они унаследова-

ли от апостолов власть карать за обиды, нанесенные истинному Богу, и уже ничто в мире не могло спасти тех, кто был ими осужден. По городам и даже в самой Александрии среди народа ходили страшные слухи о том, что стоило им только коснуться грешника посохом, как земля сама разверзалась под человеком и бездна поглощала его. Поэтому все распутники, а особенно мимы, плясуны, женатые священники и куртизанки, очень боялись отшельников.

Они обладали такой духовной силой, что их власти подчинялись даже хищные звери. Когда затворнику приходило время умереть, появлялся лев и когтями рыл ему могилу. Святой отец понимал по этому знаку, что Создатель призывает его к себе, и обходил всех братьев, чтобы дать им прощальное лобзание. Потом отшельник, радуясь в сердце своем, ложился, дабы почтить во Господе.

И вот с тех пор как Антоний, в возрасте более ста лет, удалился с возлюбленными своими учениками Макарием и Амафасом на гору Кольцинскую, не было во всей Фиваиде монаха, который мог бы сравниться в усердии с Пафнутием, антинойским настоятелем. Правда, Ефрем и Серапион начальствовали над большим числом монахов и славились умением руководить духовными и житейскими делами возглавляемых ими монастырей. Зато Пафнутий строже соблюдал посты и иной раз по целых три дня не вкушал пищи. Он носил особенно грубую власяницу, утром и вечером бичевал себя и подолгу лежал, распростершись на земле.

Его двадцать четыре ученика построили себе хижины неподалеку от него и брали с него пример в подвижничестве. Он горячо любил их во Христе и беспрестанно призывал к покаянию. В числе его духовных чад насчитывалось несколько человек, которые долгие годы разбойничали, но были так глубоко тронуты увещеваниями святого настоятеля, что решили принять монашество. Праведность их жизни служила образцом для их собратий. Среди последних находился бывший повар абиссинской царицы; он тоже был обращен антинойским настоятелем и непрестанно оплакивал свои грехи; был тут и дьякон Флавиан, знаток Писания и мастер говорить. Но самым замечательным из учеников Пафнутия был молодой крестьянин по имени Павел, прозванный Юродивым за крайнее простодушие. Люди смеялись над его простотой, а Господь, благоволя к нему, ниспосылал ему видения и наделил даром пророчества.

Пафнутий много времени посвящал назиданию своих духовных чад и подвижничеству. Кроме того, он размышлял над священными книгами, ища смысла в их иносказаниях. Поэтому еще в молодых летах он отличался великими заслугами. Дьяволы, столь яростно осаждавшие добрых отшельников, не решались подступить к нему. По ночам, когда на небе сияла луна, семь маленьких шакалов неотступно находились возле его кельи; они сидели на задних лапках молча, не шевелясь, наострив уши. Вероятно, то были семь демонов,

которым он преградил к себе дорогу силою своей святости.

Пафнутий родился в Александрии от благородных родителей, которые дали ему языческое образование. Он даже поддался бредням поэтов, и в ранней юности заблуждения его ума и безрассудство дошли до того, что он верил, будто род человеческий пережил потоп во времена Девкалиона, и дерзал рассуждать со сверстниками о природе, свойствах и даже о самом существовании бога. Он вел тогда, как то свойственно язычникам, разгульный образ жизни. Об этом времени он вспоминал теперь со стыдом и раскаянием.

— В те дни, — говорил он братьям, — я кипел в котле ложных услад.

Он хотел сказать, что ел тогда искусно приготовленное мясо и посещал общественные бани. И действительно, до двадцатилетнего возраста он вел жизнь, обычную для того времени, ту жизнь, которую пристойнее было бы назвать смертью. Но, восприняв поучения священника Макрина, он стал другим человеком.

Он до глубины души проникся истиной и обычно говорил, что она вонзилась в него как меч. Он уверовал в Голгофу и возлюбил распятого Христа. Приняв крещение, он еще год прожил среди язычников, в миру, с которым был связан привычкой. Но однажды, войдя в храм, он услышал слова Писания, прочтенные дьяконом: «Если хочешь быть праведным, поди и продай имущество свое и деньги раз-